

- возможность проведения закрытого рецензирования (когда автор и рецензент не знают друг друга);
- обязательное формирование долгосрочного плана изданий (на 3–5 лет);
- проведение рецензирования на этапе до сдачи рукописи в Издательство, а еще лучше – до включения материалов в план издания;
- передача результатов рецензирования лицам, заинтересованным в издании качественной литературы (заказчик – институт, кафедра, университет);
- обязательное указание рецензентов в выходных сведениях книги;
- финансирование процесса рецензирования и научного редактирования в рамках обеспечения издательской деятельности в работе вуза при публикации плановых изданий для университета.

В отчетах Российской книжной палаты за последние 3 года лидирующие позиции принадлежат научным и учебным изданиям (по числу книг: в 2014 году прирост составил 104,67 %, 2015 г. – 104,18 %, 2016 г. – 100,24 %, 2017 г. – 99,6 %) [5]. Ассортимент книжной продукции в этом сегменте рынка незначительно, но растет. Несмотря на востребованность вузовской книги в современном обществе, по нашему мнению, высокое качество содержания и оформления является обязательным условием для её развития. Предложенные в статье шаги по улучшению процессов рецензирования и научного редактирования носят рекомендательный характер и могут быть рассмотрены при принятии стратегических решений в издательской сфере в рамках деятельности вуза.

Список литературы

1. Веденеева Н. Министр просвещения предложила указывать на учебниках имена рецензентов // Научная Россия. URL: <https://goo-gl.su/qBPJW>.
2. ГОСТ 7.60–2003. СИБИБД. Издания. Основные виды. Термины и определения. М.: Изд-во стандартов, 2007. 41 с.
3. Гордиевских В. М., Морковкина В. В. Проблемы и перспективы современного вузовского книгоиздания на примере типографии ШГПУ // Вестник ШГПУ. 2016. № 3. С. 163–166.
4. Мильчин А. Э. Издательский словарь-справочник. М.: Юристъ, 1998. 471 с.
5. Статистические показатели по выпуску печатных изданий, 2018 // Российская книжная палата. URL: <https://goo-gl.su/A6Rb4jX>.

*К. А. Поташев
В. В. Эрих*

НАРРАТИВ В РОМАНЕ «АПОКРИФ АГЛАИ» (АНАЛИЗ ЭПИЗОДА)

Аннотация: В статье рассматривается нарративное устройство одного эпизода романа «Апокриф Аглаи». Многоуровневая композиционная структура, включающая в себя «роман в романе», усложняет нарратив. Особое внимание уделено характеристике нарратора, точке зрения и нарративной модальности. Нарратор был определен как диетети-

ческий, а исполнение его функций персонажем Войтеком необходимо для выполнения нескольких сюжетных и композиционных функций. Охарактеризованы также особенности пространственной и идеологической точек зрения. В эпизоде обнаружены два вида нарративной модальности – частное мнение и постигание – присущие разным персонажам. Отмечена связь между речевым построением и нарративной модальностью, преобладающей в эпизоде. Сюжетное строение эпизода схоже по структуре со сказочным (двоемирие, прохождение испытания и мотив еды). На основе анализа структуры эпизода делается вывод о его роли в романе.

Ключевые слова: нарратив, нарратор, точка зрения, нарративная модальность, мотив куклы.

K. A. Potashev

V. V. Erih

NARRATIVE IN THE NOVEL «APOCRYPHA OF AGLAIA» (ANALYSE OF EPISODE)

Abstract: Article reviews the narrative structure of a single episode from the novel “Apocrypha of Aglaia”. The multi-level compositional structure that includes the “novel in the novel” complicates the narrative of the episode. Particular attention in the analysis is given to the characterization of the narrator, point of view and narrative modality. Narrator was defined as diegetic, and implementation his functions character Wojtek necessary to fulfil few plot and compositional functions. Specificities spatial and ideological point of view also were characterized. Two types of narrative modality were found in the episode – private opinion and comprehension – specific to various characters. The relationship between speech structure and narrative modality prevailing in the episode was noted. The plot structure of the episode is similar in structure to the fabulous (two worlds, passing the test and motive of food). Based on the analysis of the structure of the episode, a conclusion is made about the role of the episode in the novel.

Key words: narrative, narrator, point of view, narrative modality, motive of puppet.

«Апокриф Аглаи», роман польского писателя Ежи Сосновского, впервые был издан в Польше в 2001 году. В России «Апокриф Аглаи» вышел в 2004 году.

В романе «Апокриф Аглаи», как и во многих современных романах, нарративный аспект оказывается сложнее, нежели аспект художественного мира. Главные загадки романа связаны с нарративным аспектом. Однако поскольку рамки статьи не позволяют исследовать роман полностью, мы проанализировали нарративное устройство одного эпизода и определили его роль в строении романа.

Этот эпизод составляет 9 главу 1 части романа «Апокриф Аглаи». Здесь рассказывается о том, как герои, Адам и Войтек, сидят в кафе и разговаривают.

Для полного понимания роли эпизода необходимо упомянуть о самом романе. Так, «Апокриф Аглаи» выделяется особой сложной композицией, включающей в себя «роман в романе». Роман делится на четыре части, первые две из которых – вставной роман

автора-персонажа Анджея Вальчака под заглавием «Визит без приглашения». Последние же две части «Апокрифа Аглаи» носят название «Визит по приглашению» и являются условно-реальной действительностью, в которой находится Анджей Вальчак.

Вставной роман повествует о главном герое – Адаме и о персонаже Войтеке, прототипом которого является сам Анджей Вальчак. Герои встречаются в школе, в которой оба стали работать. Адам рассказывает кузену Войтеку, как радикально изменилась его жизнь после встречи с женщиной, из-за которой разрушилась музыкальная карьера героя и почти разрушилась его жизнь.

В «Визите по приглашению» повествование ведется от лица Анджея Вальчака. Он рассказывает, что у Адама есть прототип – алкоголик Кшиштоф – на истории которого и основан «Визит без приглашения». С Анджеем связывается женщина, которая утверждает, что знает Кшиштофа и что она тоже героиня его романа. Ведь именно она «была» той, что изменила жизнь Адама.

Итак, охарактеризуем нарративную структуру эпизода – 9 главы 1 части «Апокрифа Аглаи».

Определим, что такое нарратив. Нарратив есть не повествование в узком смысле слова (т. е. композиционная форма текста, отличная от описаний, рассуждений или диалоговых реплик), он представляет собой объединение двух событий: события рассказываемого и события рассказывания [6, с. 8].

На уровне нарратива важны многие структурные элементы. Мы остановимся на таких как нарратор, точка зрения и нарративная модальность.

Нарратор – субъект речи, повествования, изображающий происходящее. В этом эпизоде нарратором является Войтек. Также он выступает и в роли персонажа, то есть участвует в изображаемом событии. Так как он и нарратор, изображающий событие, и участник изображаемого события, мы можем признать его диегетическим нарратором так, как понимает это Вольф Шмид [8, с. 80–88]. В анализируемом эпизоде мы видим четкое разделение повествующего «я» и повествуемого «я». Повествующее «я», Войтек-нарратор, не идентично повествуемому «я», Войтеку-персонажу, хотя бы потому, что они находятся в разных мирах и действуют в разное время. При этом Войтек-нарратор уже знает всю историю Адама в отличие от Войтека-персонажа. Отсюда вытекает то, что у них разные кругозоры – Войтек-нарратор имеет бóльший кругозор, чем Войтек-персонаж.

Начало главы эксплицирует пространственную точку зрения стороннего наблюдателя на персонажей Войтека и Адама («Снег повалил вовсю, и в кафе мы входили, как два Святых Миколая: белые бороды и брови, застывающие капли на щеках, мое побелевшее пальто, обросшие черно-белой слякотью сапоги (топанье на коврик)»). [4, с. 54–55]). Очевидно, что оба героя видны читателю со стороны. Однако далее пространственная точка зрения Войтека-нарратора равна пространственной точке зрения Войтека-персонажа. Примечательно то, что Войтек-нарратор не проявляет идеологическую точку зрения. Для него характерно почти безоценочное повествование.

Перейдем к нарративной модальности. В. И. Тюпа определяет нарративную модальность как «дискурсивную компетенцию повествователя, рассказчика, хроникера»

[5, с. 77]. В анализируемом эпизоде речи разных героев имеют разную нарративную модальность. Так, опираясь на классификацию В. И. Тюпы, мы определяем модальность высказываний Войтека-персонажа как модальность частного мнения. Как пишет исследователь, «мнение – бездоказательное содержание сознания <...>, подлежащее сомнению, но субъективно ценное» [5, с. 78]. Кругозор Войтека-персонажа уже, чем Войтека-нарратора и Адама. В анализируемом эпизоде Войтек-персонаж не знает всей истории, он может только предполагать, как она завершится. Адам в процессе рассказывания эмоционально вовлекает Войтека-персонажа в историю, проецируя свое сознание на сознание Войтека-персонажа. Так, мы можем сказать, что нарративная модальность высказываний Адама – постигание. В. И. Тюпа определяет постигание как «индивидуальное понимание, зависимое от понимающего сознания» [5, с. 80]. Так же, как и Адам ведет диалог с Войтеком-персонажем, Войтек-нарратор «разговаривает» с читателем, для которого он делает записи, что отмечает Е. Ю. Козьмина в статье «Система нарраторов в гротескном нарративе романа “Апокриф Аглаи”» [2]. Значит, модальность его высказываний можно также определить как постигание. Можно отметить, что такая форма модальности используется в этом эпизоде для подготовки к открытию тайны (в случае Адама – Войтека-персонажа, в случае Войтека-нарратора – читателя).

Важно ответить на вопрос: почему именно Войтек является нарратором? Ведь нарратором мог быть и сам Адам – весь эпизод строится именно на речи Адама, Войтек и как персонаж, и как нарратор имеет ничтожно малое количество реплик. Как кажется, передача роли рассказчика Войтеку выполняет несколько функций. Первая функция – создание системы двойников. Если бы не было Войтека, ни как персонажа, ни как субъекта речи, не сформировалась бы та система двойников, которая есть в романе. Такая система двойников демонстрирует нам взаимопроникновение разных миров. Героев-двойников из разных миров можно сравнить, выявить их особенности, которые хотел показать автор. Вторая функция – показать со стороны Адама, что возможно только с помощью оптики другого персонажа. Так, именно Войтек-персонаж замечает схожесть Адама с механической куклой: «Он неподвижно сидел, словно бы погруженный в задумчивость, однако задумчивая мина стремительно высвобождалась от мысли, и он лишь стрелял глазами то на меня, то в спину удаляющемуся бугаю. Вероятно, точно так же вела себя органистка, у которой в спинном хребте шли струны к глазным яблокам и векам» [4, с. 62]. Третья функция связана со второй. Взгляд на Адама со стороны демонстрирует, как он постепенно обретает голос, то есть освобождается от механических черт, становится все более живым [1, с. 290–291]. Мы признаем эту функцию наиболее важной, так как она отвечает одному из ведущих художественных принципов романа «Апокриф Аглаи» – поиски самого себя, настоящего себя.

Важно отметить, что сюжетное строение эпизода схоже по структуре с циклическим сюжетом сказки [3]. Так же, как и волшебная сказка, этот эпизод содержит переход в иной мир (здесь им является кафе «Доротка»), «встречу с противником» [3, с. 187–188] (с тремя бугаями). Стоит отметить наличие мотива еды (герои пьют, просят питье) [3, с. 50]. Встреча с противником – это испытание, которое герои проходят. Оно влечет за

собой изменения. Так, до критической ситуации официантка не говорит с героями: «мне показалось, что она собирается что-то нам сказать, однако она ушла, не промолвив ни слова» [4, с. 59]. Испытание «отверзает уста» официантки: «Это я вам ставлю, – объявила она. – А то я уже подумала, что понадобится хирург. Или, – хихикнула, – гробовщик» [4, с. 62]. В этих словах присутствует мотив смерти, которая могла возникнуть при «непрохождении» испытания, что отсылает нас к элементу композиции волшебной сказки [3, с. 5–6].

Проанализируем речевое построение эпизода. Так как в нем преобладает форма нарративной модальности постигание, диалог становится ведущей речевой формой. Также важно то, что диалог показывает равноправие персонажей. Реплики Адама и Войтека представлены в виде прямой речи. В эпизоде отсутствуют оценочные суждения, встречается внутренний монолог Войтека-персонажа, включенный Войтеком-нарратором в повествование («И кто кому, в конце концов, помогает пережить это воскресенье, – думал я, продолжая смеяться (смеяться вместе с ним и для него), – он мне или я ему?» [4, с. 61]).

В ходе анализа отдельных элементов нарратива мы пришли к тому, что речевое построение связано с нарративной модальностью. Как уже было сказано выше, диалог – ведущая речевая форма в эпизоде. В диалоге проявляется голос героев, который эксплицирует их самоидентификацию. Эту же функцию выполняет сюжетное строение, подобное сказочному. Другой особенностью нарратива является представление нарративной модальности двумя формами: постиганием, присущим высказываниям Адама и Войтека-нарратора, и мнением, присущим высказываниям Войтека-персонажа. Такое соединение двух разных форм нарративной модальности и совпадение форм Адама и Войтека-нарратора дробит единый нарратив.

Мы видим, что нарратив в выбранном нами эпизоде сложен. Однако стоит отметить, что в романе в целом нарратив еще сложнее, что повышает исследовательский интерес.

Список литературы

1. Козьмина Е. Ю. Композиция романа Е. Сосновского «Апокриф Аглаи»: моделирование читательской позиции // Вестник РГГУ. 2018. № 2. С. 284–292.
2. Козьмина Е. Ю. Система нарраторов в гротескном нарративе романа «Апокриф Аглаи» // Поэтика и прагматика нарративных практик. Екатеринбург : ИНТМЕДИА, 2019. [В печати].
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2000. 333 с.
4. Сосновский Е. Апокриф Аглаи. СПб. : Азбука-классика, 2004. 345 с.
5. Тюпа В. И. Лекции по неклассической нарратологии. Toruń : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. 191 с.
6. Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 5–31.
7. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М. : Искусство, 1970. 253 с.
8. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.